

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1959.4.02>

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЕТУ

Е. РИХТЕР

Молодой Фр. Р. Крейцвальд после поездки в Псковскую губернию к сету в 1847 г. писал: «Мне посчастливилось провести первые борозды на этой целине, этой настоящей terra incognita, и я бы радовался от всей души, если бы было продолжено изучение этого незаслуженно забытого поля...»¹

И действительно, сету — группа псковских эстонцев, насчитывавшая в середине XIX в. около 8 тыс. человек, сравнительно поздно попала в орбиту внимания ученых. Если не считать Хр. И. Шлегеля, посвятившего сету небольшой раздел в своих путевых записках,² Крейцвальд был первым, кто поехал к ним с научной целью.

С тех пор прошло более 100 лет. Историей сету интересовались видные ученые своего времени: фольклористы Я. Хурт и О. Каллас, языковед М. Веске, этнографы А. О. Хейкель, И. Маннинен и др. Изучая ту или иную область народной жизни сету, они оставили ценные материалы, однако специального исследования, посвященного материальной культуре сету в целом, не было создано. Не разрешен был и вопрос о происхождении сету — проблема, которой так или иначе касались все исследователи, работавшие в этой области.

Существуют две гипотезы о происхождении псковских эстонцев. По одной из них сету являются потомками аборигенного, как писали раньше — финского, населения западной части Псковщины. Согласно второй, сету — потомки переселенцев из Лифляндии, которые, спасаясь от жестокой эксплуатации немецко-шведских феодалов, в XVI—XVIII вв. расселились в пограничных с Эстонией районах Псковщины, на землях Псково-Печерского монастыря и приняли православие.

Названные точки зрения, противоречащие друг другу, сохранились в науке по настоящее время. Академик АН Эстонской ССР профессор Х. А. Моора, характеризуя этнический состав населения Эстонии и прилегающих к ней территорий в первые века н. э., затронул и вопрос о происхождении сету. На основе современных археологических данных Х. А. Моора высказался в пользу гипотезы древности обитания сету на территории современной Сетумаа, полагая, что некоторая часть современных сету является потомками восточной ветви прибалтийско-финских

¹ Fr. R. Kreutzwald, Teateid rahvalauludest Pihkva kubermangus asuvate eestlaste juures. Maailm ja mōnda. Tallinn, 1953, стр. 105.

² [Chr. H. J. Schlegel], Reisen in mehrere russische Gouvernements in den Jahren 1801, 1815, 1807, 1830. VI. Reise von St. Petersburg nach dem Pleskowschen Gouvernement im Monat Julius 1815. Meiningen, 1831, стр. 75—138.

или чудских племен, расселенных некогда к востоку и юго-востоку от Эстонии, и более поздних переселенцев из южной Эстонии.³

Языковед Ю. Мягисте придерживается противоположной точки зрения. Основываясь главным образом на лингвистическом материале, Ю. Мягисте излагает основные этапы этнической истории сету следующим образом. Территория Сетумаа еще в XIII в., если и была заселена «угаласкими» эстонцами (*ugalased*),⁴ то чрезвычайно редко, так как в хронике Генриха Латышского отсутствуют какие бы то ни было данные об эстонском племени, расселенном к востоку от р. Выханду. Кроме того, отшельники XV в., селившиеся в пещерах на месте будущего Псково-Печерского монастыря, выбрали это место именно потому, что леса здесь были необитаемы. Позже, в XVII—XVIII вв., редкое местное «угалаское» население (если оно вообще существовало) пополнялось эстонскими переселенцами из Вырумаа, которые приняли православие. В народе живо воспоминание о том, что когда-то они жили под шведской властью. Русского царя сету называли тем же словом *kuningas*, которое было принято в Лифляндии для шведского короля.

Деревни сету гораздо меньше многодворных русских деревень, откуда следует, что они образовались сравнительно поздно и были основаны одной-двумя семьями эстонских переселенцев. Язык сету лишь незначительно отличается от южноэстонского вырусского диалекта. Русское влияние на язык сету лучше прослеживается в восточной части Сетумаа, что, по мнению Мягисте, свидетельствует о кратковременности русского влияния. Большая часть деревень сету имеет русские названия — из 250 деревень лишь 90 носят эстонские имена. При этом названия многих из них (30%) совпадают с названиями деревень различных приходов Вырумаа, что свидетельствует о том, что здесь поселились переселенцы из Эстонии. Наконец, реки и водоемы на территории Сетумаа имеют русские названия, что косвенно свидетельствует об отсутствии следов древнего нерусского населения.⁵

По нашему мнению, доказательства, приводимые Мягисте в пользу позднего происхождения сету, недостаточно обоснованы. Правда, русские летописи и другие письменные источники до XVI в. не содержат никаких данных относительно местного чудского населения на Псковской земле. О переселении же эстонцев в XVI—XVIII вв. на земли Псково-Печерского монастыря свидетельствует множество исторических документов: жалованные грамоты монастырю, материалы лифляндских ландтагов и др.

Тем не менее утверждение Мягисте о незаселенности Сетумаа эстонцами или родственными племенами в XIII в. нельзя считать обоснованным: ведь Генрих Латышский мог и не знать о небольших островках чудского населения, рассеянного в лесах к востоку от реки Выханду.

Предания о пребывании под властью шведов не были распространены среди всего сетуского населения. Еще в середине XIX в. сету по-разному высказывались о своем происхождении,⁶ из чего следует, что сло-

³ Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. Сб. Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, стр. 132.

⁴ Жители Уганди, древней южной эстонской земли.

⁵ J. Mägiste, *Petserimaalt, selle uurimisest ja setude päritolust*. Сб. *Meie maa IV, Lõuna-Eesti*. Lund, 1957, стр. 165—173.

⁶ По данным Фр. Р. Крейцвальда, одни из них говорили, что их предки пришли сюда во время войны из Лифляндии, другие считали, что сету живут на территории Псковского уезда с незапамятных времен или даже «с начала мира», как выразился

жившееся к середине XIX в. эстонское население Псковского уезда нельзя рассматривать как однородное.

Малочисленность населения деревень сету XIX—XX вв. также может служить лишь относительным доказательством позднего их возникновения. Средние века, отделяющие предков сету от позднего населения этих деревень, изобилуют опустошительными войнами, затяжными «морowymi поветриями»,⁷ неурожаями, значительно сокращавшими численность населения. Кроме того, ведь и русские псковские казенные крестьяне в начале XIX в. «... были расселены на значительной территории небольшими селами и деревнями, часто по 1—5 дворов».⁸

Процентное соотношение в названиях деревень сету (из 90 эстонских названий около 60 самостоятельны и не имеют аналогий в южной Эстонии) может, на наш взгляд, служить в какой-то мере подтверждением того, что поселения с самостоятельными эстонскими названиями возникли когда-то в древности, большая же часть деревень XVII—XVIII вв. получила названия соответственно документации Псково-Печерского монастыря. Так, бесспорно русские названия имеют, например, деревни, которые возникли, по-видимому, в более поздний период в северо-восточной, самой неплодородной части Сетумаа, население которых занималось главным образом отхожими промыслами (Verhulitsa — Верхулицы, Zupolja — Злыполье, Jaamiste — Ямище, Jatsmani — Ячменево, Lutepää — Лутобиж).

Что касается топонимики Сетумаа вообще, то она еще не изучена, в связи с чем автор не считает возможным ни соглашаться, ни полемизировать с Мягисте.

Наиболее трудно оспаривать тот пункт доказательств Ю. Мягисте, в котором устойчивость языка сету и сходство его с вырусским диалектом он рассматривает как главное подтверждение позднего происхождения этнической группы сету. Действительно, сету, которые жили в западной части бывшей Псковской губернии, в массе своей (за исключением нескольких обрусевших деревень на востоке Сетумаа) сохранили эстонский язык до наших дней. Немногочисленные же группы псковских, так называемых краснаских, эстонцев близ Опочки (Kraasna maarahvas) уже в середине XIX в., по свидетельству Крейцвальда, «... настолько обрусели, что трудно определить их число».⁹

Мягисте, по-видимому, полагает, что будь предки сету этнической группой, населявшей западную часть Псковщины еще до XVI в., то говор их должен был бы значительно отличаться от вырусского диалекта. Русское же влияние, по его мнению, прослеживается лишь на протяжении последних 200—300 лет. Однако не следует игнорировать и тот факт,

один старик из д. Ройкино (письмо Крейцвальда Кеппену от 2 августа 1849 г.). Переписка Фр. Р. Крейцвальда с П. И. Кеппенем хранится в Ученом архиве Всесоюзного географического общества. Нами использованы фотокопии писем, хранящиеся в Литературном музее АН ЭССР им. Фр. Р. Крейцвальда, ф. В-37, № 497—540. В дальнейшем этот источник будет обозначаться сокращенно: Крейцвальд Кеппену.

⁷ В Псковской летописи читаем: «В лето 6860 (1352). Бысть мор зол во граде Пскове и по селом...» «В лето 6868 (1360). Бысть во Плескове второй мор лют зело...» «В лето 6898 (1390)... бысть мор во граде Пскове: мряху бо старые и младые мужи и жены и малые дети; иде же выкопаша единому гроб, ту пятеро или десятеро вложиша во един гроб»... «В лето 6912 (1403). Того же лета бысть мор во Пскове, а пришло бяше той мор из Немецкой земли из Юриева.» — Псковские летописи. Вып. I, М.—Л., 1941, стр. 21, 22, 23, 27.

⁸ Н. М. Дружинин, Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I, М.—Л., 1946, стр. 384.

⁹ Крейцвальд Кеппену, 15 XI 1849 г.

что в отличие от мелких эстонских групп (крааснаских эстонцев например), донесших до середины XIX в. говор, сходный с вырусским диалектом,¹⁰ а затем обрусевших, у предков сету было больше возможностей для сохранения своего языка и этнических особенностей. Предки сету населяли территорию, которая, если так можно выразиться, являлась полуостровом. Они жили в непосредственной близости от населения Вырумаа, с которым их связывали как родственные, так и древние культовые связи (например, еще в XIX в. в священной роще близ местечка Орава, в юго-восточной Эстонии, происходили обрядовые церемонии, на которые стекались и эстонцы, и сету), а также и торговые отношения. Предки сету, по-видимому, испытывали непрерывные влияния и с востока, и с запада. И, наконец, если допустить, что предки сету являлись переходным звеном от юго-восточных эстонцев к чудскому населению, расселенному к востоку, то они могли иметь и говор, близко родственной говору вырусских эстонцев. Определить на материалах современного языка «возраст» группы сету не представляется возможным. Вообще следует отметить односторонность методологии Ю. Мягисте. Вряд ли кому-нибудь удастся разрешить сложную проблему этногенеза сету на основании одних только лингвистических материалов, без учета археологических и этнографических данных.

Для выяснения проблемы происхождения и этнической истории сету этнографический материал до сих пор не привлекался. Настоящая статья является первой попыткой анализа ранних форм материальной культуры сету с целью установления времени формирования и этапов исторического развития этой группы. Правда, специфика этнографического материала не позволяет разрешить все сложные вопросы, связанные с происхождением сету, поскольку этнография располагает в основном поздними данными — XIX, начала XX вв. Новейшие достижения таких дисциплин, как археология, антропология, лингвистика и фолклористика несколько расширяют эти возможности. Сопоставление и анализ данных смежных наук позволяет наметить некоторые черты раннего этапа этнической истории сету, который мы условно ограничиваем веками, предшествующими значительному переселению эстонцев на земли западной Псковщины после XVI в.

На территории Сетумаа до сих пор еще не удалось обнаружить поселений древних племен, обитавших здесь до прихода славян-кривичей. Однако нет также оснований считать эту территорию вообще необитаемой, поскольку на берегу р. Выханду открыты неолитические стоянки (Вилла, Тамула и др.), расположенные в непосредственной близости от Сетумаа.¹¹ Известна и дюнная неолитическая стоянка Гверстонь близ Псковского озера,¹² т. е. на территории, где в настоящее время расселены сету. Имеются и отдельные находки из Сетумаа, датируемые поздним неолитом. Весьма скуден, однако, археологический материал конца I тысячелетия до н. э. — начала I тысячелетия н. э. с территории, расположенной к востоку от Эстонии. Погребальные памятники восточной ветви прибалтийско-финских, или так наз. чудских, племен до сих пор еще, к сожалению, неизвестны. Ввиду этого составить более или менее

¹⁰ А. Х. Каск, К вопросу об образовании и группировке эстонских диалектов. Сб. Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, стр. 48.

¹¹ Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР. Сб. Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, стр. 161.

¹² Н. К. Лисицина, Археологические исследования в РСФСР в 1953 г. КСИИМК, LXI, 1956, стр. 122.

достоверную картину расселения чуди в Сетумаа до появления здесь славян пока не представляется возможным. Тем не менее нельзя считать эту территорию незаселенной и в указанный период. На существование местного чудского населения, с которым столкнулись пришедшие сюда в середине и второй половине I тысячелетия н. э. кривичи, до известной степени указывает название центральной реки, протекающей по территории Сетумаа и впадающей в Псковское озеро, — Пивжа (Пимжа). По мнению советского лингвиста А. И. Попова, русское окончание *вжа* соответствует окончанию *veiž* в древнейших названиях рек Эмайыги (Омовжа) и Пимжи и свидетельствует о следах обитания некоего прибалтийско-финского племени, родственного ливам,¹³ оставшегося нам неизвестным. Впрочем, имеется и другое научное объяснение названий некоторых рек, протекающих по восточной Эстонии и к востоку от нее. Окончание *вжа* названий рек Омовжа, Пчевжа, Лемовжа образовалось, как полагает известный славист М. Фасмер, от перехода звука *ō* (*bi*) в эстонском слове *jõgi* ('река') в русское *в*.¹⁴ Чередование же согласных *г* — *ж* весьма распространено в русском языке. Впервые названия рек Омовжа и Пивжа встречаются в русских летописях XIII в., следовательно, древние источники зафиксировали те водско-чудские названия, бытовавшие здесь гораздо ранее прихода сюда выходцев из Вырумаа XVII—XVIII вв., которые, по мнению Ю. Мягисте, составили основное население Сетумаа. Не служат доказательством этого утверждения и русские названия мелких водоемов в Сетумаа, так как древние названия, по мнению топонимистов, сохранили лишь крупные реки.¹⁵

Древнее местное население состояло, очевидно, в непосредственном родстве с юго-восточными эстонцами. Об этом свидетельствует говор сету, который относится к вырусскому диалекту южноэстонского наречия, хотя в нем и встречается довольно много русских лексических заимствований.¹⁶ Однако, несмотря на общность языка с вырусскими эстонцами, в материальной культуре сету обнаруживаются следы некоторой близости далеких предков сету и с другими, более северо-восточными, водско-ижорскими племенами. Некоторым подтверждением этого служит погребение с многобусенными височными кольцами в могильнике Лезги Печорского района (XII—XIV вв. н. э.). Это погребение является вторичным, оно впущено в длинный курган, из чего можно заключить, что местное население считало его местом захоронения своих предков.¹⁷ Инвентарь этого погребения указывает на связи местного чудского населения с населением восточного побережья Чудского озера и, между прочим, именно с водью, для которых многобусенные височные кольца, обычно не встречающиеся в юго-восточной Эстонии, были характерной формой украшения.

Песенный фольклор сету содержит много общих черт с фольклором юго-восточных кихелькондов Эстонии. Наряду с этим, как показывает сравнительное исследование, в фольклоре сету имеется немало общих

¹³ А. И. Попов, Топонимическое изучение Восточной Европы. Ученые записки ЛГУ, Серия востоковедческих наук, вып. 2, Л., 1948, стр. 105, 106.

¹⁴ M. Vasmer, Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern. Sonderausgabe aus den Sitzungsberichten der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, 1934, XVIII, Berlin 1934, стр. 41, 43.

¹⁵ Устное сообщение научного сотрудника Института русского языка АН СССР кандидата филологических наук Н. В. Подольской.

¹⁶ А. Х. Каск, К вопросу об образовании и группировке эстонских диалектов, стр. 46; М. Муст, Отражение русско-эстонских отношений в лексике южно-эстонских диалектов. Автореферат диссертации. Таллин, 1954, стр. 23.

¹⁷ Устное сообщение академика Х. А. Моора.

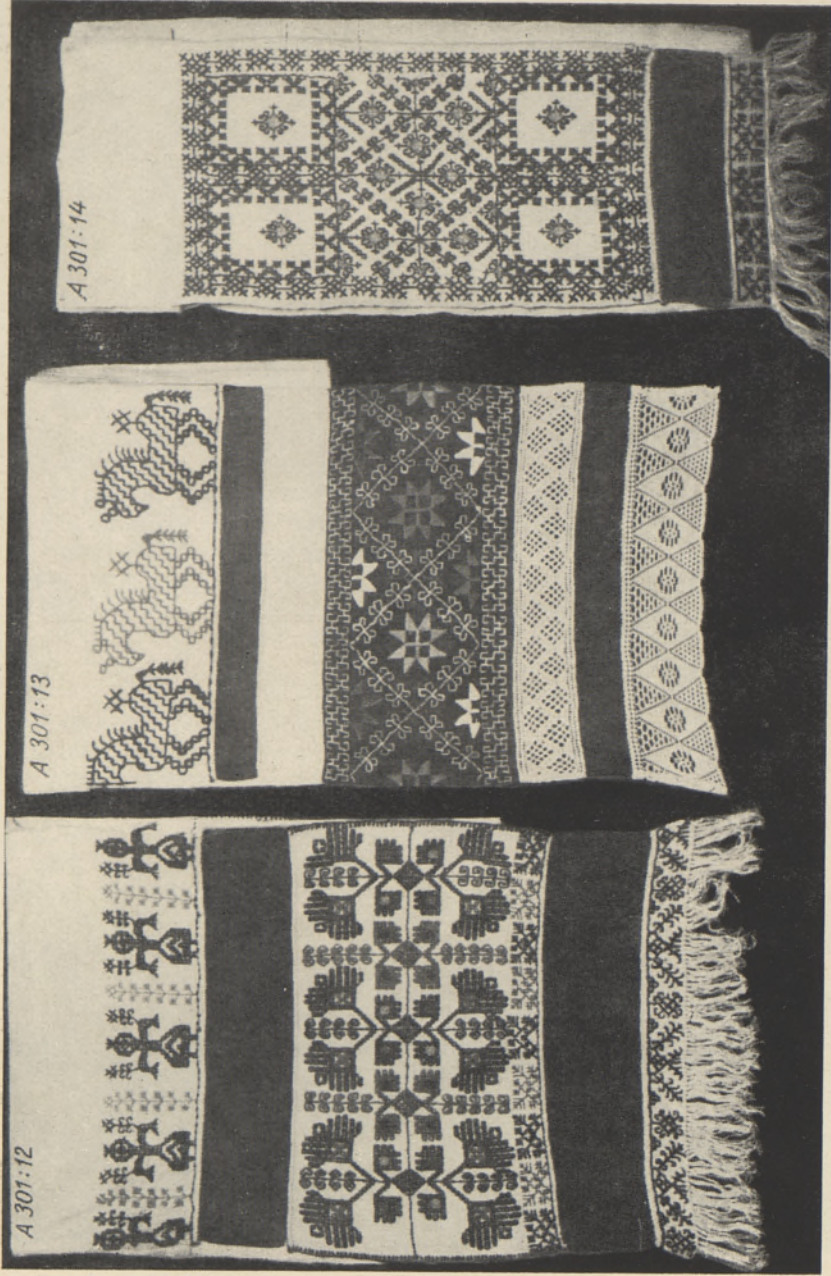

Рис. 1. Пологеница ижор (ЭМ А 301:12, 13, 14) Пологеница А 301:14 вешали вокруг иконы.

Рис. 2. Водский набедренник «kaatteri» (ЭМ В 7:23).

Рис. 3. Набедренник setu (ЭМ А 403:7).

черт и с народным творчеством населения северной Эстонии, в первую очередь с районом Кодавере (северо-западное побережье Чудского озера), и даже с фольклором воды.¹⁸

Подтверждают в известной мере эти связи и этнографические данные.

Женский костюм сету, распространенный до середины XIX в., включал целый ряд деталей, дошедших из глубокой древности. Одной из таких деталей является набедренник — широкое короткое полотенце, перекидываемое через пояс. Есть сведения, что набедренник (*puusapõll*) носили на правом или на левом боку, а иногда и на обоих сразу. Эта часть костюма некогда входила, по-видимому, в иной комплекс одежды сету, когда вместо глухого наплечного наряда — косоклинного сарафана «рююд» (*rüüd*) женщины носили поверх рубахи несшитую поясную одежду из льняной или шерстяной ткани, а сбоку или сзади вешали узкий кусок полотна, украшенный вышивкой. Подобную несшитую одежду (*kõrik, pallapool*) еще в конце XVIII — начале XIX в. носили женщины в южной Эстонии и Кодавере.¹⁹ Сопоставление орнаментов сетуских и южноэстонских (Халлисте) набедренников свидетельствует о том, что по характеру узора и технике вышивки они имеют значительные различия. По углам набедренников сету имеются большие квадраты, заполненные вышивкой нитками красного цвета.²⁰ Для орнамента же эстонских набедренников из Халлисте характерен стилизованный растительный орнамент с повторяющимся солнечным диском или розеткой, что сближает их с орнаментом белых латышских покрывал.²¹ Набедренники из Халлисте отличаются от сетуских и расцветкой вышивки. Материалом для вышивания здесь служили не нитки, окрашенные подмаренником, как у сету, а шерстяная пряжа, окрашенная в разные тона.

Набедренники несколько иного типа (узкие, украшенные вышивкой или привесками полотенца, которые носили на боку или на спине, перекинув через пояс) были в прошлом распространены и у других финских народов. Они зафиксированы у води, ижоры, мордвы. Как показывает сравнительный материал, орнамент сетуских набедренников как своим геометрическим характером, так и цветом вышивки значительно ближе к полотенцам ижор и набедренникам водских женщин, чем к набедренникам из южной Эстонии.

Полотенца ижор (*vaarnikko*), служащие для украшения избы, вышивались красными нитками (рис. 1). В их орнаменте отчетливо проступают русские элементы, стилизованные изображения животных и людей. Однако в фондах Этнографического музея АН Эстонской ССР имеется ижорское полотенце (А 301:14) и с чисто геометрическим орнаментом, напоминающим по своему характеру узоры набедренников сету. Водские набедренники имели сложные украшения из привесок, монет и раковин каури; лишена их была только верхняя часть, подсовываемая под пояс, — белая льняная ткань, вышитая красными нитками (рис. 2). Элементы геометрического узора этой части набедренника — пять квадратиков, вписанных в большой квадрат в шахматном порядке, — тождественны с теми, которые так охотно применяли сету в вышивках набедренников (рис. 3), концов лиников, платков невесты и рубах. Из этого можно

¹⁸ Х. Т. Тампере, Некоторые вопросы этнической истории эстонцев в свете устного народного творчества. Сб. Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, стр. 317.

¹⁹ Eesti rahvarõivaid XIX sajandist ja XX sajandi algult. Tallinn, 1957, стр. 33.

²⁰ Там же, табл. XVIII.

²¹ А. Х. Моора, Об историко-этнографических областях Эстонии. Сб. Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, стр. 254, 255.

заклЮчить, что набедренники сету и древним геометрическим орнаментом, и расцветкой (красный цвет, полученный от корней подмаренника), и техникой вышивки совершенно отличаются от тех, что носили женщины в других частях южной Эстонии. По-видимому, древние элементы одежды, в частности орнамент на них, у сету развивались иным путем, нежели у южноэстонского населения, тяготея более к орнаменту прибалтийско-финских народов, живущих к северо-востоку от Эстонии.

Рис. 4. Способ повязывания линика у сету (ЭМ *Fk* 295 : 31, 32)

Хото У. Рипса

Весьма древнюю форму сохранили и женские головные уборы сету. Полотенчатый линик издревле был общим для народов Прибалтики и Белоруссии, но по-разному повязывался. Линик сету изготовлялся из лучшего домотканного полотна. Ширина поздних лиников — 30 см, длина — примерно 3 м. Женщины сету обертывают голову лиником дважды — первый раз покрывают лоб и теменную часть, второй раз охватывают прическу, в которую вплетены льняные косы, и покрывают затылок (рис. 4). Длинные концы с вотканными внизу узорами свисают вдоль спины. Как свидетельствуют источники, подобным образом повязывали полотенцеобразные головные уборы в XVIII в. и в Кодавере. Длинный (5 локтей) полотненчатый головной убор женщины Кодавере повязывали дважды вокруг головы, а концы его, украшенные красными вотканными полосами, спускали по спине.²² Аналогичным образом и водские женщины, по данным И. Маннинена, еще в XVIII в. обвязывали голову длинной льняной тканью дважды, а концы ее спускали по спине.²³

Ижорские женщины носили головные уборы (*sappano*) той же длины, что и сету (концы, спущенные вдоль спины, были вровень с подолом одежды), их так же подхватывали поясом, как сету линик, однако форма

²² A. W. Hupel, *Topographische Nachrichten Lief- und Ehstland*, т. II. Riga, 1777, стр. 182.

²³ J. Manninen, *Soome sugu rahvaste etnograafia*. Tartu, 1929, стр. 70.

саппаны отличалась от линика — длинные концы ее сшивались с двух сторон и получался мешкообразный хвост.²⁴

Итак, головной убор сету — линик, сохранивший до наших дней весьма древнюю, давно исчезнувшую повсюду в Эстонии форму, — по способу повязывания (двойное обертывание вокруг головы и спускание концов вдоль спины) ближе всего стоит к головным уборам женщин Кодавере и води. Сообщение Фр. Р. Крейцвальда о том, что у так наз. крааснаских эстонцев в старину линики были точно такие же, как у сету,²⁵ позволяет предполагать, что в районах, прилегающих к Чудскому озеру, у древнего эстонского населения Псковщины и води Ленинградской области женские головные уборы были по способу повязывания однородными. Тот факт, что сходное повязывание лиников мы находим не в южной Эстонии, а у древнего чудского населения, в некоторой степени подтверждает существование каких-то старых племенных связей между предками сету, водью, ижорами и какими-то путями связанными с двумя последними группами группой Кодавере.

Следует отметить и такое украшение, распространенное у сету еще в XIX в., как серьги.²⁶ Известно, что в Эстонии серьги не встречались, эта деталь украшения была особенностью лишь женщин Кодавере, а к востоку от Эстонии у водских и русских женщин.²⁷

Некоторые древние особенности могут быть отмечены и в пище сету. Так, сету вплоть до начала XX в. мясо (свинину) не только засаливали, но и вялили его весной на ветру и солнце, а куски телятины высушивали в горячей печи. И то и другое мясо сберегали до летних полевых работ. Как свидетельствует сравнительный материал, аналогичный способ сохранения мяса бывал у карел,²⁸ великоруссов²⁹ и финнов Ленинградской области (водь, ижора).³⁰ У эстонцев же вяление мяса не зафиксировано; лишь на Сааремаа в западной и северной Эстонии куски соленого мяса подвешивали или клали на колосники над печью жилой риги, где оно в дыму и тепле риги прокапчивалось, просыхало и в таком виде шло в пищу. Потребуется дальнейшие изыскания для выяснения вопроса, было ли когда-нибудь у эстонцев вяление мяса и если было, то почему и когда исчезло. Литовцы, например, не вялили мясо, а только солили.³¹ Способ же, применяемый сету, весьма близок к тому, которым пользовались карелы, водь, ижоры, и свидетельствует либо о древней общности способа консервации пищи предков сету и прибалтийско-финских народов, расселенных к востоку от Эстонии, либо о длительном сохранении способа, некогда распространенного и у эстонцев.

Материалы о древнем жилище предков сету полностью отсутствуют. Тем не менее имеются некоторые косвенные свидетельства, которые позволяют предполагать, что четкое разделение типов жилищ сету на жилую ригу и русскую избу представляет собой сравнительно раннее явление, имевшее место уже в рассматриваемый нами период.

В середине XIX в. на большей части Сетуаа господствовало русское

²⁴ Там же, рис. 67, 72.

²⁵ Крейцвальд Кеппену, 16 XII 1849 г.

²⁶ Крейцвальд Кеппену, там же; [Chr. H. J. Schlegel], Reisen, T. VI, стр. 134.

²⁷ А. Х. Моора, Об историко-этнографических областях в Эстонии, стр. 256.

²⁸ A. Lampinen, Karjalainen keittokirja. Helsinki, 1953, стр. 98; Устное сообщение ст. научн. сотр. Ин-та истории АН ЭССР Г. Лукина.

²⁹ Dm. Zelenin, Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin und Leipzig, 1927, стр. 114, 115.

³⁰ Д. А. Золоторев и Е. Э. Бломквист, Западные финны. Л., 1927, стр. 18.

³¹ В. Милюс, Пища и домашняя утварь литовских крестьян в XIX и начале XX в. Балтийский этнографический сборник. Труды Института этнографии АН СССР, М., 1956, стр. 137, 138.

жилище, и никаких воспоминаний о том, что здесь когда-то были жилые риги, в народе не сохранилось. Некоторые особенности строительной техники: заготовка дома сукромami в лесу (*tzukermu, tzukerman*), что издавна практиковалось русскими (и было чуждо эстонцам), старинный способ устройства двускатной крыши «на самцах», возможно, свидетельствуют о том, что местное чудское население развивало строительную технику иным путем, нежели эстонские крестьяне, у которых жилая рига распространилась, по-видимому, не позже начала II тысячелетия н. э.,³² и замена древнего жилища двухкамерным и трехкамерным домом протекала у них следом за славянами.

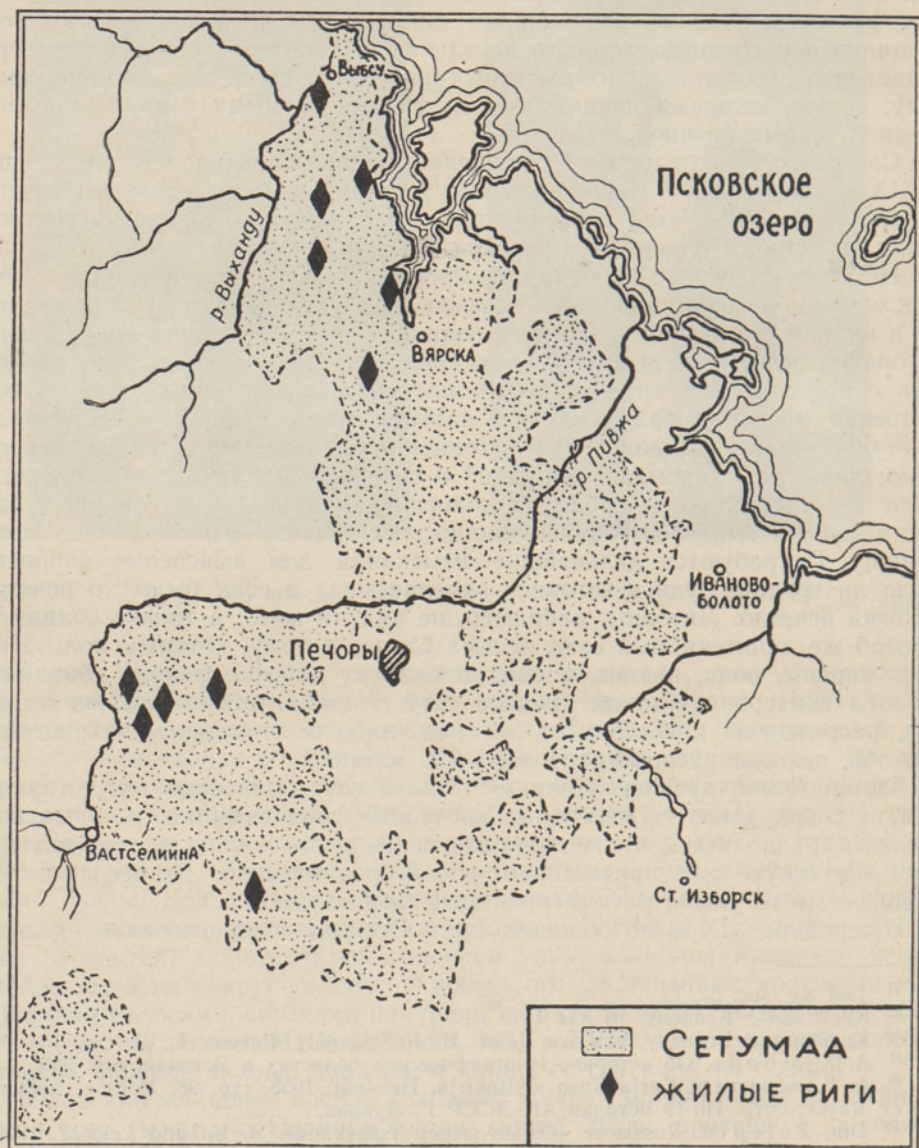

Рис. 5. Распространение жилой риги на территории Сетумаа.

³² Eesti arhitektuuri ajalugu (готовится к печати).

На западе, вдоль границы с Лифляндией, сету жили в ригах (см. карту рис. 5), не отличающихся по своим конструктивным особенностям от риг населения южной Эстонии. Риги здесь исчезают из обихода поздно, лишь в конце XIX в., следовательно, ни помещики, ни монастыри не чинили препятствий их строительству.

Определить, отступали ли жилые риги под русским влиянием на запад или они вообще не бытовали на основной части Сетумаа, в настоящее время не представляется возможным. Однако, если в типах жилища нерусское население пользовалось известной свободой, то непонятно, почему сету, упорно придерживающиеся древних форм материальной культуры, не сохранили у себя и жилой риги. Даже в том случае, если жилая рига и бытовала на всей территории Сетумаа (сохранилась же рига в качестве хозяйственной постройки), то она, по-видимому, исчезла еще до массового появления здесь выходцев из южной Эстонии в XVI—XVIII вв. В противном случае новопоселенцы, найдя здесь привычное жилище — ригу, также способствовали бы ее более длительной сохранности. Попадая же в среду с иным типом жилища, эстонцы отказывались от своей традиционной жилой риги и переходили к русской избе.

Отсутствие данных о существовании жилых риг в северной Латгалии и господство здесь русской избы также в какой-то степени наводит на мысль об иных путях развития жилища у населения территории, расположенной к востоку от Эстонии.

Соображения, приведенные выше, весьма спорны и нуждаются в подкреплении археологическими и иными данными. Окончательное разрешение этого вопроса можно будет получить лишь после определения восточной границы распространения жилых риг.

Против гипотезы позднего переселения всего населения Сетумаа с территории Эстонии свидетельствуют и факты заимствования потомками кривичей отдельных элементов материальной культуры у коренного чудского населения. Представляется не случайным тот факт, что на территории бывшей Псковской губернии чрезвычайно долго (а в Печорском районе вплоть до третьей четверти XIX в.) неизменной деталью курной печи был котел, висящий над шестком. Одна из боковых стен печи (примыкавшая к стене) выступала вперед, благодаря чему справа от устья печи получалось подобие наши (местн. русск. *пазушина*). В этой нише и помещался котел, подвешенный на цепи или жерди. В котле подогревали воду для скота, вечером в нем готовили ужин. Под котлом на шестке (местн. русск. *котельная*) разводили огонь или в случае надобности подгребали горячие угли из печи (рис. 6). В соседней южной Эстонии печь жилых риг отличалась своим устройством от русских печей. Сложенная из валунов, она была громоздкой, без подпечка, с подом, выложенным невысоко над уровнем пола. Перед устьем печи, на площадке, огороженной невысокой стеной из камней, или в выкопанном в земле углублении, устраивался очаг, на котором варили пищу в подвесных котлах. Известно, какова была печь у древнего эстонского населения Псковщины, но наличие подвесного котла свидетельствует, что некогда он сочетался здесь с древней формой эстонского очага, над которым висел котел для варки пищи. С течением времени у двух живших рядом народов сложился тот тип печи, где основой явилась русская курная печь, но удержался и подвесной котел. Кроме Сетумаа, подобные печи были в прошлом распространены к юго-востоку от Эстонии: у русского населения Псковской области и Латвии,³³ у латгалов,³⁴ у карел и у ижор Ленин-

³³ О. А. Ганцкая, Материальная культура русского населения в XIX — начале XX в. Кр. сообщ. Института этнографии АН СССР, XXII, М., 1955, стр. 50.

³⁴ Устное сообщение Л. Н. Терентьевой.

градской области.³⁵ Мнения исследователей относительно данного типа печей различны. Н. Харузин, например, называя печи с подвесным котлом «эстонско-карельским» типом, считал, что они появились в результате длительного контакта этнических групп финского и русского народов.³⁶ По мнению же Е. Э. Бломквист, подобные печи представляют собой не этническую особенность, а определенную форму развития печи,

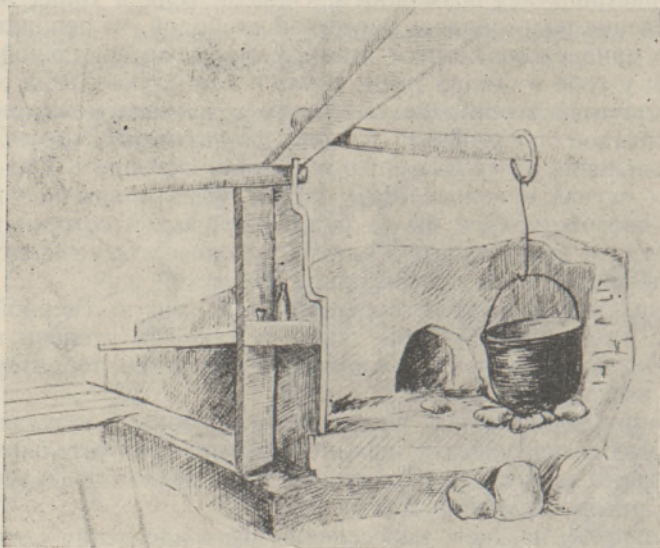

Рис. 6. Курная печь с подвесным котлом у сету
(ЭМ ЕЖ 6 : 20).

которая была свойственна когда-то восточнославянским и финно-угорским племенам северной полосы России.³⁷ В пользу гипотезы Харузина, на наш взгляд, говорит стойкость бытования русской печи с подвесным котлом лишь у русского населения ограниченной, северо-западной территории, в полосе непосредственного контакта с прибалтийско-финским населением или там, где некогда обитала чудь.

Проникновение отдельных явлений материальной культуры местного эстонского населения в среду русских крестьян происходило и в последующие века.

Весьма явственно проступает сходство многих элементов материальной культуры сету с материальной культурой соседнего населения восточных областей Латвии, Литвы и Белоруссии. В женский костюм сету до середины XIX в. входила рубаха с длинными рукавами, туникообразный покррой которой отличался от покроя, характерного для рубах с поликами русского населения Псковщины и Новгородчины. Туникообразные рубахи без плечевых нашивок — ранняя разновидность рубах прибалтийских народов. Невзирая на то, что некоторые детали рубахи-долго-

³⁵ I. Manninen, Soome sugu rahvaste etnograafia, стр. 82, 83.

³⁶ Н. Харузин, Очерк развития жилища у финнов. «Этнографическое обозрение» 1895, № 1, стр. 81.

³⁷ Е. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. Восточно-славянский этнографический сборник. Труды Института этнографии АН СССР, М., 1956, стр. 253, 254.

рукавки сету сходны с русскими рубахами, они все же сохранили покррой, характерный для рубах эстонцев, латышей,³⁸ води и ижор.³⁹

К числу весьма сходных частей одежды у населения Прибалтики и сету относятся несшитая поясная одежда, наплечные покрывала, девичий головной убор ваник, полотенеобразный женский головной убор, белый цвет одежды, кожаные постолы, лыковые лапти белорусского типа и др. Сходство этих деталей обусловлено прибалтийской культурной общностью.

Из не финно-угорских народов Прибалтики наиболее близки сету латыши Латгалии. Из поздних форм культуры, сходных у сету и латгалов, можно указать на жилище русского типа, в котором изба через сени сочеталась с клетью, на русскую печь с подвесным котлом, на распространение узко локального названия *mattigõ* (русс. *матик*, *матюги*) для подвоев сохи и др.

Этнографические материалы подкрепляются антропологическими данными. При сравнении различных групп латышей и эстонцев выясняется, что наибольшее антропологическое сходство имеют сету и латгалы (больше даже, чем латыши Латгалии и Видземе). Как полагает проф. Ю. М. Ауль, это сходство следует объяснять не только смешением двух соседних групп, но и другими расогенетическими процессами, восходящими к более древним эпохам.⁴⁰

Славянское влияние распространялось прежде всего в восточных районах Прибалтики. Передаточным звеном, своеобразным мостом, по которому проникали различные явления материальной культуры славян к эстонцам, было эстонское население Псковщины. Отчетливо проступает это в видах пищи. Целый ряд кушаний, рассматриваемых исследователями в качестве пришедших к эстонцам с востока, именно на территории Сетумаа предстают в том же виде, как и у русских, а далее к западу, на территории Вырумаа, они и встречаются реже, и бытуют там нередко в измененном виде. Например, толокно, молотое из овса, разведенное водой, как это было принято у русских, употребляли лишь сету (*kama*, *tolokna*); в юго-восточных же районах Эстонии толокно (*kama*) изготовлялось из семян зерновых и бобовых и ели его с кислым молоком. Овсяный кисель под тем же названием, что и у сету (*kiisla* или *kiisel*) распространен повсюду и на востоке Эстонии, в других же районах овсяный кисель назывался иначе — *kaerakile* или *kile*. Редька (*ritk*), как считают лингвисты, — древнее славянское заимствование, однако нигде в восточных районах Эстонии ее не употребляли в таком количестве, как сету и соседние с ними русские крестьяне.

Возможно, что в последние века рассматриваемого периода, т. е. до XVI в., к сету проникла соха с перекладной полицей, вытеснившая древний тип сохи (в Новгородской земле соха с отвальным приспособлением появилась в XV в.).⁴¹ О первоначальном и одновременном распространении сохи с полицей в Сетумаа и Латгалии до некоторой степени свидетельствует название для подвоев, связывающих полицу с обжами — *mattigõ*, бытующее лишь в бывш. Тверской и Псковской губерниях, в Сетумаа и Латгалии.

³⁸ М. Слава, Латышская женская одежда и ее орнаментация (XVIII—XX вв.). Автореферат диссертации. М., 1955, стр. 10.

³⁹ Н. Ф. Прыткова, Одежда ижор и води. Финноугорский сборник. Труды КИПС № 16. Л., 1930, стр. 312, 313.

⁴⁰ Ю. М. Ауль, О взаимоотношении эстонцев и латышей по антропологическим данным. КСИЭ АН СССР, XXIX, М., 1958, стр. 146.

⁴¹ А. В. Кирьянов, История земледелия Новгородской земли. Материалы и исследования СССР, № 65. Труды Новгородской археологической экспедиции, II, М., 1959, стр. 350.

На территории Латвии воротами, через которые входили славянские заимствования, была Латгалия, следовательно, она, так же как и Сету-маа, по ряду элементов материальной культуры являлась переходной зоной к русскому населению западных областей. И некая древняя этническая общность северных латгалов и предков сету, и территориальное соседство их, и воздействие славянской культуры, — вот факторы, которые способствовали близости Сету-маа и Латгалии по ряду признаков материальной культуры.

Резюмируя все вышеизложенные данные, мы считаем возможным предполагать, что и до прихода эстонцев в XVI—XVIII вв. на территорию западной Псковщины здесь имелся некий слой древнего чудского населения, который, находясь в непосредственном соседстве и тесной близости с юго-восточными эстонцами, имел и традиционные связи с населением северной Латгалии и водско-ижорскими племенами, а поэтому, возможно, не составлял единого целого с населением земли Уганди.

Институт истории
Академии наук Эстонской ССР

Поступила в редакцию
25 VII 1959

LISANDEID SETUDE ETNILISELE AJALOOLE

E. Richter

Resümee

Setude kui etnilise grupi päritolu kohta on olemas kaks erinevat oletust. Üks neist, mida esindab ka ENSV TA akadeemik H. Moora, peab setusid põliste Pihkva aladel elanud lääne-soome hõimude järeltulijateks. Teise (J. Mägiste jt.) kohaselt põlvnevat setud Liivimaalt, peamiselt Võrumaalt tulnud ümberasujaist, kes XVI—XVIII saj. põgenenud saksa-rootsi feodaalide julma rõhumise eest Petseri kloostrimaadele, kus nad kreeka-katoliku usu vastu võtnud.

Kuigi setude päritolu ja etnilist ajalugu on puudutanud terve rida uurijaid, pole senini nende küsimuste lahendamiseks kasutatud kuigi suurel määral etnograafilist materjali. Käesolev artikkel on õieti esimeseks katseks selgitada setude ajaloolist kujunemist nende materiaalse kultuuri varasemate elementide põhjal.

Kuigi arheoloogiline materjal Setumaalt on veel väga napp, on tema alusel siiski juba võimalik oletada, et Lõuna-Eestist ida pool olev maa-ala oli asustatud ammu enne kriviitide hõimu sisetulekut, mis toimus meie ajaarvamise I aastatuhande lõpul.

Nagu näitab setu murrak, olid need muistsed tšuu- hõimud, nagu neid tinglikult nimetatakse, tõenäoliselt tihedas ühenduses kagu-eestlastega. Ležgi kääbasmatused, mis sisaldavad helmestega oimurõngaid, ja mõned setu rahvaluule iseloomujooned kinnitavad nende seotust ka Kodavere elanikkonnaga ja Peipsi järvest idapoolsetel aladel asuvate isurite ja vadjalastega. Sedasama kinnitab mõningal määral ka etnograafiline aines.

Näiteks setu puusapõlled oma geomeetrilise ornamendi ja madara- ning maagepunase väljaõmblusega erinevad tunduvalt lõuna-ees- ti naiste omadest ning sarnanevad isuri käterättide ja vadja naiste puusapõlledega (joon. 1, 2, 3). Linik, mis mujal Eestis on ammu kadunud, kuid mida setu vanemad naised tänini kannavad, sarnaneb oma kandmisviisi poolest kõige enam kodavere ja vadja naiste vanematele peakatetele. Samuti kandsid setu naised kõrvarõngaid, mis eestlastel üldiselt kombeks ei olnud, küll aga Kodaveres, samuti vadja ja vene naistel.

Mõningaid erijooni muu eesti alaga võrreldes võib täheldada ka setu toidus. Setud näiteks kuivatasi liha, mis lähendab neid veel hilisemaski elu-olus karjalastele, vadjalastele ja isuritele, kuna eestlased mäletataval ajal lihakuivatamist ei tunne.

Eestlastele iseloomulik rehielamu esines ainult Setumaa lääneosas. Mujal Setumaal, mis moodustab vaadeldavast maa- alast suurema osa, elati vene tüüpi elamus, s. o. majas, mis koosnes toast (изба, setu keeles *tarõ*) ja kojast (сени, setu keeles *seenine*).

Idapoolsete setude hulgas pole rehielamu olemasolu kohta fikseeritud isegi mälestusi, kuigi paljud muud materiaalse kultuuri vanemad vormid on siin säilinud palju kauem kui mujal Eestis. Seepärast võib arvata, et setudel rehielamuid ei olnudki. Kohalike oletatavate tšuudi hõimude ehitusi me ei tunne, küll aga teame, et kogu Pihkva alal oli juba XI—XII sajandist alates kasutusel ainult vene tüüpi elamu. Ka setude elumaja ehitustehnika vastab vanale vene ehitusviisile: maja raiutakse valmis eraldi osadena ja laotakse hiljem kohale. Sealjuures aga on setu venepärase elamus säilinud väga vanu soome-ugri hõimudele ühiseid tüüpilisi jooni, nagu ahju ees rippuv katel näiteks, mille muide omaks võtsid ka Pihkva venelased.

Kõike seda arvestades võime oletada, et Pihkva läänepoolsed alad olid asustatud teatud muistsete tšuudi hõimudega, kes kagu-eeslaste vahetute naabritena olid nendega tihedas läbikäimises ning ühendavaks lüliks nende ja teiste tšuudi hõimude vahel. Sellega võib seletada ka mõningaid ühiseid materiaalse kultuuri elemente setudel, vadjalastel ja isuritel.

Peale soome-ugri ja slaavi joonte on paljudel setu materiaalse kultuuri elementidel, eriti riietuses, sarnasust ka balti hõimude, eriti latgalite materiaalse kultuuriga. See osutab põhja-latgalite ning setude esivanemate muistsele etnilisele ühtsusele, millele hiljem järgnes territoriaalsest ühtsusest tingitud slaavi kultuuri mõju.

*Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Ajaloos Instituut*

Saabus toimetuses
25. VII 1959

BEITRÄGE ZUR ETHNISCHEN GESCHICHTE DER SETUKESEN

E. Richter

Zusammenfassung

Über die Herkunft der Setukesen als ethnischer Gruppe sind zwei verschiedene Meinungen vorhanden. Der einen Meinung gemäss, die auch H. Moora, Mitglied der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR vertritt, wären die Setukesen Nachkommen westfinnischer, von alters her im Pskower Gebiet ansässiger Stämme. Der anderen Meinung nach (J. Mägiste u. a.) hätten die Vorfahren der heutigen Setukesen im XVI—XVIII Jahrhundert Livland, namentlich den Kreis Võrumaa verlassen, um der harten Bedrückung seitens der deutsch-schwedischen Feudalherren zu entkommen; sie hätten sich auf den Ländereien des Klosters Petschory (Petseri, Petschur) niedergelassen, wo sie dann auch griechisch-katholisch wurden.

Ogleich die Herkunft und die ethnische Geschichte der Setukesen von vielen Forschern behandelt worden ist, hat keiner von ihnen bisher ethnographisches Material in nennenswertem Umfang zu Rate gezogen. Die vorliegende Arbeit ist eigentlich der erste Versuch, das geschichtliche Werden der Setukesen auf Grund der älteren Elemente ihrer materiellen Kultur zu verfolgen.

Es liegt uns zwar wenig diesbezügliches archäologisches Material vor, doch lässt es schon schliessen, dass das ostwärts von Südostland gelegene Gebiet schon längere Zeit besiedelt war, bevor die slavischen Kriwitschen am Ende des ersten Jahrtausends unserer Zeitrechnung dort ankamen.

Das setukesische Dialekt zeigt, dass die dort ansässig gewesenen alt-tschudischen Stämme (wie sie konventionell benannt werden) allem Anschein nach mit den Südost-Esten lebhaften Verkehr hatten. Die Hügelgräber von Lezgi, die Schläfenringe mit Glasperlen enthielten, sowie einige Besonderheiten der setukesischen Volksdichtung bezeugen die Beziehungen der Setukesen zur Bevölkerung von Kodavere und zu den östlich vom Peipsi-See ansässigen Ishoren und Woten. Dasselbe bestätigt gewissermassen auch das ethnographische Material.

So sind z. B. die setukesischen Hüftschürzen mit ihrem geometrischen Ornament und den mit Labkraut gefärbten oder in russischem rotem Baumwollgarn ausgeführten Stickereien wesentlich verschieden von den Hüftschürzen der südestnischen Frauen; dagegen haben sie grosse Ähnlichkeit mit den ishorischen Handtüchern und den Hüftschürzen der wotischen Frauen (Fig. 1, 2, 3). Das lange Kopftuch, das anderswo in Estland längst verschwunden ist, von den älteren setukesischen Frauen aber bis heute getragen wird, ähnelt am meisten den alten Kopfbedeckungen der Frauen von Kodavere, sowie der wotischen Frauen. Auch trugen die setukesischen Frauen Ohringe, was in Estland im allgemeinen nicht üblich war, wohl aber in Kodavere und bei den wotischen und russischen Frauen.

Auch die Nahrung der Setukesen weist im Vergleich zum übrigen estnischen Gebiet einige Unterschiede auf. So genossen die Setukesen gedörrtes Fleisch, welche Sitte auch noch in späterer Zeit dem entsprechenden Brauch der Karelrier, Woten und Ishorer nahe stand; es ist dagegen nicht bekannt, dass Esten jemals Fleisch gedörrt hätten.

Die charakteristische Wohnriege der Esten war bloss im westlichen Teil von Setukesen zu verzeichnen. Sonst aber waren Wohnhäuser russischen Typs üblich, d. h. Häuser, die aus einer Stube (изба, se tarō) und einem Hausflur (сени, se see-nine) bestanden.

Bei den östlichen Setukesen konnten auch keinerlei Überlieferungen über ein früheres Bestehen von Wohnriegen fixiert werden, obgleich ältere Formen der materiellen Kultur meist hier länger erhalten blieben, als sonstwo in Estland. Es kann also angenommen werden, dass die Setukesen keine Wohnriegen errichteten. Bauten der vermuteten tschudischen Stämme sind uns nicht bekannt, doch wissen wir, dass Behausungen russischen Typs schon im XI—XII Jahrhundert im ganzen Pskower Gebiet allein gebräuchlich waren. Auch die Bautechnik der Setukesen entspricht der alt-russischen: die einzelnen Bauelemente wurden vorher gezimmert, alsdann aber am Bauplatz zusammengefügt: Allerdings behielt das russische Wohnhaus bei den Setukesen viele althergebrachte, den finnisch-ugrischen Stämmen eigene Merkmale, so z. B. den vor dem Herd hängenden Kessel, der sich übrigens auch bei den Pskower Russen eingebürgert hatte.

Dies alles in Betracht gezogen, kann angenommen werden, dass im westlichen Teil des Pskower Gebiets gewisse tschudische Stämme sassen, die als unmittelbare Nachbarn der Südost-Esten mit ihnen lebhaft verkehrten und auf diese Weise ein Mittelglied zwischen ihnen und den anderen tschudischen Stämmen darstellten. Dadurch lassen sich auch einige gemeinsame Elemente der materiellen Kultur deuten, die den Setukesen, den Woten und den Ishoren gemein sind.

Ausser den charakteristischen finnisch-ugrischen und slavischen Zügen haben verschiedene Elemente der materiellen Kultur der Setukesen gemeinsame Merkmale mit den entsprechenden Elementen der baltischen Volksstämme, insbesondere der Latgalen. Dieser Umstand weist auf die ethnische Einheit der Vorfahren der Setukesen und der Nord-Latgallen hin, worauf dann, durch die territoriale Einheit bedingt, der Einfluss der slavischen Kultur folgte.

*Institut für Geschichtsforschung
der Akademie der Wissenschaften
der Estnischen SSR*

Eingegangen
am 25. Juli 1959